

Фантазия на тему «Сказки о рыбаке и рыбке» А.С.Пушкина

Жил старик со своею старухой

У самого синего моря;

Они жили в ветхой землянке

Ровно тридцать лет и три года.

Старик ловил неводом рыбу,

Старуха пряла свою пряжу.

Раз он в море закинул невод,

Пришел невод с одною тинной.

Он в другой раз закинул невод,

Пришел невод с травкою морскою.

В третий раз закинул он невод,

Пришел невод с одною рыбкой,

С непростой рыбкой- золотою.

Как взмолилась золотая рыбка!

Голосом молвит человеческим:

«Отпусти ты, старче, меня в море,

Дорогой за себя дам откуп:

Откуплюсь чем только пожелаешь.»

Удивился старик, испугался:

Он рыбачил тридцать лет и три года

И не слыхивал, чтоб рыба говорила.

Отпустил он рыбку золотую

И сказал ей ласковое слово:

«Бог с тобой, золотая рыбка!

Твоего мне откупа не надо;

Ступай себе в синее море,

Гуляй там себе на просторе.

Скажем прямо, встреча эта не оставила старика равнодушным. И дело не только в том, что его поразило, что рыбка говорила человеческим голосом. (что, конечно, было само по себе необычно), но и то, что в этом маленьком хрупком существе почудилась ему какая- то неизъяснимая прелесть. Она была так очаровательно беспомощна, ее мольба о выкупе звучала так простодушно: «Откуплюсь чем только пожелаешь».

- Чем же ты можешь, радость моя, от меня откупиться? – думал старик, возвращаясь домой и с улыбкой, покачивая головой.

Все еще пребывая в благодушном настроении, продолжая улыбаться и покачивать головой, он рассказал всю эту историю старухе. Надо сказать, что хотя старуха была на три года моложе старика, но в свои 48 лет выглядела весьма опустившейся: растрепанные, сильно поседевшие волосы, сгорбленная спина, дряблая кожа, морщины; всегда раздраженный вид и брюзгливый назидательный тон. В рассказе о рыбке она не увидела ничего удивительного и реагировала только на слово «откуп», и на то, что старик- этот «дурачина, простофиля» -его не взял.

- Тебе бы только гулять к морю, да с золотой рыбкой болтать, а то, что у нас даже корыта приличного нет, это тебя не касается. Обо всем этом одна я должна думать! Отпустил он ее: плыви, гуляй в синем море, а старуха пусть гнется, пусть руки свои калечит- это не наше с тобой дело!

Старик и вправду устыдился и решил загладить свой проступок.

Вот пришел он к синему морю,

Стал кликать золотую рыбку.

Приплыла к нему, спросила:

Чего тебе надобно, старче?

Он изложил ей суть дела. Говорил, а сам продолжал любоваться ею. Любоваться и невольно мысленно сравнивать со старухой, какой она была тому назад 30 лет и 3 года, когда он посватался к ней. Она была веселой, бойкой деревенской девочкой, которая, можно сказать, вполне ему нравилась. Но никогда не было в ней той магии, того очарования, которое излучала рыбка. Тембр ее голоса переходил от спокойной задумчивости к каким-то совсем детским интонациям. Слово «старче» он произносила с лукавой иронией, как бы давая понять, что оно вырвалось у нее невольно в момент испуга, когда, выброшенная на берег, запутавшаяся в петлях сети, она не знала, как обратиться к этому бородатому существу, показавшемуся ей устрашающим. Но теперь, во время их второй встречи, когда роли переменялись, и просителем выступал уже он, униженно величая ее «государаней рыбкой», она вполне могла разглядеть, что, если бы не худоба, не обтрепанные одежды, не взъерошенные волосы, он мог бы быть интересным мужчиной, и, хотя, конечно, не добрым молодцем, но уже и никак не дряхлым старичком. Так что теперь это «старче» уже звучало как напоминание об их первой встрече.

Выслушав историю про корыто, она улыбнулась, прикрыла глаза и сказала:

«Не печалься, иди себе с Богом.

Будет вам новое корыто.»

Ему показалось, что, сказав это, она помедлила, как бы ожидая, не скажет ли он что-нибудь еще. Но он растерялся и не знал, что сказать, а, когда собрался с мыслями и захотел поблагодарить, ее уже не было.

Подходя к дому, старик еще издали увидел как блестит новое корыто и поразился быстроте и точности, с которой рыбка выполнила свое обещание.

Надо сказать, что за 33 года совместной жизни, он уже хорошо изучил свою старуху и ее сварливый нрав, но то, что услышал сейчас превзошло все его ожидания: она ни то что была

довольна или благодарна, но наоборот исходила злостью и агрессивностью. Опять слышалось «дурачина ты и простофиля», опять попреки в том, что он думает только о себе, а ее в грош не ставит:

- Выпросил, дурачина, корыто!

В корыте то много ли корысти?

И дальше все в таком же духе. А в заключение:

- Пусть твоя рыбка даст нам хотя бы избу приличную.

Это она сказала: «твоя рыбка»! И старик, отправившись распутывать и сушить сеть, все повторял про себя: «твоя рыбка», «иди к своей рыбке»... «моя рыбка».

Когда он покликнул ее, придя на морской берег, она появилась очень быстро- так быстро, что ему показалось, что она ждала его прихода. Когда излагал ей новую просьбу, поймал себя на том, что ему доставляет удовольствие в присутствии рыбки ругать старуху, называть ее сварливой бабой и как-то еще похлеще, что делало рыбку как бы соучастницей его невзгод и создавало между ними близость.

Услышав в чем состоит просьба, рыбка немного помедлила с ответом, а потом сказала:

« Не печалься, ступай себе с Богом,

Так и быть: изба вам уж будет.»

Это «так и быть» задело старика: он понял, что просит слишком много и просить больше будет неудобно. Но, если не просить, так значит не звать ее, а, если не звать, так значит и не увидеть ее больше никогда. А это уже казалось ему непереносимым.

Как ни странно, но помогла старуха. Еще с поворота дороги он увидел, что его землянки больше нет, а на ее месте стоит изба с кирпичною беленою трубой, и с дубовыми тесовыми воротами. Старик так привык к своей землянке, что изба его не обрадовала: он подумал, что будет неуютно себя чувствовать среди всей этой роскоши. Но, когда вошел в светелку и прилег на лавку, то почувствовал, что здесь много воздуха, и в широкие окна струится свет, так что может не так уж плохо жить в этой избе и лежать, глядя в высокий потолок.

Но полежать ему старуха не дала:

«Дурачина ты, прямой простофиля!

Выпросил, простофиля, избу!

Воротись, поклонися рыбке:

Не хочу быть черною крестьянкой,

Хочу быть столбовою дворянкой.»

- Ах ты старая сводня-, подумал старик, улыбаясь про себя.- Хорошо, ворочусь, поклонюсь, увижу ее... Не своей волей пойду- ты меня гонишь.

И повторилось все как и в прошлые разы, с той только разницей, что море на этот раз было беспокойно. Но, если вдуматься, оно и не должно было быть спокойно, ведь и в душе старика не было покоя: он боялся, что рыбка рассердилась и не захочет больше встречаться.

Но, слава Богу, опасения его были напрасны: рыбка появилась также быстро как обычно, и теперь он уже не сомневался, ждала его и была ему рада. Новая просьба ее нисколько не смутила. Она даже особенно и не задумалась: «дворянкой так дворянкой» А ему так сладко было услышать ее «Не печалься». А он и не печалился: он мечтал снова и снова приходить сюда, звать ее, видеть ее очаровательное личико, слышать ее детские интонации. Ему было уже ясно, что притязаниям старухи конца не будет, и это было неким залогом постоянства их встреч. Но в то же время он понимал, что без конца так продолжаться не может: это его тревожило, и море вторило его беспокойству.

Старуху он застал, стоящей в дорогой собольей душегрейке на крыльце высокого терема.

Парчовая на маковке кичка,

Жемчуги огрузили шею,

На руках золотые перстни,

На ногах красные сапожки.

Мельком взглянув на старика, она прикрикнула на него и послала служить в конюшню.

«Недолго же удалось мне в светелке нежиться»- думал старик, лежа ночью на сеновале под дырявой крышей. Но через дыры ему видно было небо, а с неба на него глядели звезда яркие и немигающие. Старик чувствовал себя счастливым: он мечтал о рыбке и знал, что рано или

поздно старуха вновь пошлет его к морю просить для себя еще каких-нибудь благ. Ему, в сущности, жаль было эту сумасшедшую женщину, которую он помнил веселой девчонкой, сияющей от счастья. при виде новых туфель, которые он подарил, сделавшись ее женихом.

Он не ошибся: прошла неделя- другая, старуха вызвала его к себе в терем, и, даже не спросив, как ему живется на сеновале, в резкой форме потребовала, чтобы он отправился к рыбке и предъявил новый ультиматум:

«Не хочу быть столбовою дворянкой,

А хочу быть вольною царицей.»

Надо заметить, что, хотя старуха все время что-то требовала у рыбки, но в то же время понимала, кто из них в действительности является хозяином положения, а потому и старика напутствовала быть достаточно почтительным:

Воротись, поклонись рыбке...

А старик, хотя и был несказанно рад возможности встречи со своей рыбкой, не мог не возмутиться нелепости нового каприза.

«Что ты, баба, белены объелась?

Ни ступить, ни молвить не умеешь,

Насмешишь ты целое царство.»

Сказал и сразу испугался: зачем это я? А вдруг отступится, вдруг скажет: твоя правда- не надо тебе больше ходить к рыбке.

Но ничего подобного не произошло, Более того, старуха так обозлилась, что ударила мужа по щеке и заорала, что, если не пойдет сам, его потащат силой.

Нет, вот этого он хотел меньше всего. Сам путь к морю был ему в радость: он предвкушал встречу с ней и старался идти не спеша. И, придя к морю, помедлил прежде чем звать ее, а, когда позвал, надеялся, что она приплывет не сразу и даст ему продлить миг сладкого ожидания.

Однако, она приплыла довольно быстро, и показалась ему немного усталою- он впервые подумал, что, наверно, у не были и другие заботы, кроме как выполнять очередные капризы

старухи. Он не мог допустить, что плавать на свидание с ним могло быть ей в тягость....Хотя, как знать?

Но сомнения, которые начали закрадываться к нему в душу, мгновенно исчезли, когда он встретил ее приветливый лучистый взор, услышал ее чарующий голос.

Слова, которыми они обменивались, обычно были краткими и носили почти ритуальный характер: он жаловался на старуху, говорил, что она вздурилась, взбунтовалась и не дает ему покоя; рыбка успокаивала, утешала его- не печалься, ну дворянкой так дворянкой, царицей так царицей- это не должно тебя (а ему хотелось услышать «нас») беспокоить....Главное было, конечно, то как они глядели друг на друга, вернее, как он глядел на нее, поскольку ее взгляд он до конца разгадать не мог: была в нем нежность (а может быть жалость?) и вместе с ней печаль и задумчивость. Может быть ее беспокоила та же мысль, что все чаще и чаще тревожила его- чем все это кончится?

Но, так или иначе, он возвращался со свидания радостный, даже толком забыв, за чем был послан. Каково же было его изумление, когда увидел перед собой царские палаты.

Надо сказать, что за свою жизнь, старик и в городе то был два- от силы три раза, а царские палаты ему могли лишь во сне сниться, но такие сны он никогда не видел. А здесь наяву! Не мудрено, что он совсем оробел и бросился в ноги царице, сидевшей во главе стола, совсем забыв, что это женщина, как- ни как, была его женой. Но та на него даже не взглянула, лишь с очей прогнать велела. Слуги поспешили выполнить это указание, да так постарались, что чуть старика не изрубили, а народ улюлюкал, что де

Поделом тебе, старый невежа!

Не садись не в свои сани!

Однако старик, добравшись до своего сеновала, совсем не чувствовал себя несчастным: он думал о рыбке и о том, что скоро что- то должно произойти. Его предчувствия менялись от тревожных и мрачных до радостных и восторженных. Он понимал, что старуха не остановится в своих капризах и потребует чего-нибудь такого, что заставит рыбку пойти на какой-то отчаянный шаг. Но на какой? Может быть,...эта фантазия все чаще и чаще являлась старику...она сбросит свое рыбье обличье и явится ему прекрасной девушкой. Старику, за его долгую жизнь, доводилось слышать много разных историй, и среди них- про лягушку, которая превращалась в царевну. Только от рыбки не требовалось такого полного перевоплощения:

она нравилась ему и такой как она была. Пожалуй, достаточно будет сбросить хвост и высвободить из под него свои прелестные ручки и ножки в золотых туфельках...Нет! Не надо золотых туфелек: он уже достаточно насмотрелся золотых украшений на старухе, и они вызывали у него отвращение...она побежит к нему босичком!

Бывало, правда, воображение рисовало ему и совсем другие картины, но он старался гнать их от себя.

И вот, решительный момент наступил: старуха вызвала его и заявила, что хочет быть владычицей морскою (это бы еще куда ни шло), и чтобы золотая рыбка (его рыбка!) служила ей и была у нее на посылках. Это требование было столь нелепо, что старик даже не пытался перечить, а просто двинулся к морю. Он шел, понимая, что в таком качестве идет последний раз, что сейчас свершится то, что он так ждал и чего боялся.

А на море в это время бушевала черная буря.

Так и вздулись сердитые волны,

Так и ходят, так воем и воют

Он не стал медлить: сразу позвал рыбку, и она тут же появилась, как будто была совсем рядом, как будто вынырнула из очередного накатывающего на берег пенного вала. Старик начал быстро объяснять суть дела. Он ни о чем не просил, просто излагал факты, называя старуху проклятой бабой, и показывая, что никак не допускает возможность исполнения ее безумного каприза, хотя выхода из положения тоже не знает.

Пока говорил, невольно прикидывал возможный эффект своих слов. Пожалуй, наиболее вероятным (и наиболее желательным) ему казалось, что рыбка просто рассмеется. Он представлял детское изумление, которое появится на ее очаровательном личике, как зазвучит ее смех: «Мне на посылках!?». А дальше...дальше, может быть последует та сцена, которая рисовалась ему в конюшне на сеновале и которую сейчас он не смел представить.

А может быть, она рассердится, нахмурится или загрустит, потому что, возможно решение тоже не сразу придет ей в голову...

Всякое представлялось старику, всякое ему грезилось,...но не то, что произошло на самом деле.

Ничего не ответила рыбка,

Лишь хвостиком по воде плеснула

И ушла в синее море.

В первый момент старик остолбенел. Она ушла, ничего не сказав! Она навсегда покинула его! Он больше никогда...

Так стоял он час или больше, не отводя глаз от бушующей стихии, как будто ожидая, что рыбка вновь выплывет из набегающей волны...Но на самом деле он уже ничего не ждал: просто стоял, глядя на струистую пелену, которая все приносит и все уносит, всем одаряет и все забирает.

Он как-то и не заметил, что буря уже прошла, что волны не накатываются на берег с прежней силой, что ветер стихает и небо начинает светлеть. А когда осознал все это, то окончательно убедился в том, что все кончено, и надо уходить.

Старик двинулся к дому и то, что увидел, зайдя за поворот, несколько его не удивило. Он уже понимал, что все им увиденное и пережитое: явление рыбки, их встречи, его любовь. ее кажущаяся нежность- были лишь мираж, созданный его желанием уйти от унылой, бедной и однообразной действительности, также как его неприязнь к старухе, и все ее нелепые превращения- были лишь обратной стороной чувства вины, которую он испытывал, за то, что не сумел создать ей другую, более устроенную и благополучную жизнь....Море все принесло и все унесло.

А увидел он, зайдя за поворот, опять свою землянку,

На пороге сидит его старуха;

А перед ней разбитое корыто.

12 августа 2012. Апшущиемс.

